

Владимир Шапко

КОШКА, ПУЩЕННАЯ ЧЕРЕЗ
ПОРОГ

Повесть

16+

Владимир Шапко

Кошка, пущенная через порог

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шапко В.

Кошка, пущенная через порог / В. Шапко — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Повесть о безответной любви. Где один любит, а другой (другая) нет, но
оттягивает разрыв.

Содержание

1. Близость	5
2. Отчуждение	6
3. Котельников и Татьяна Мантач	7
4. После свидания	11
5. Из дневника Котельникова	12
6. Безумие мужчины и женщины	13
7. Лечение на дому	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

1. Близость

Она лежала перед ним словно чаша, предлагающая себя. Длинные волосы её походили на раскиданный пересохший лён. Она изредка вскрикивала. Как-то необязательно, случайно. «Больно, да? Больно я сделал?» Он замирал над ней. «Нет-нет!» Она сжимала его талию. Точно боялась, что он снова начнёт двигаться. Или, наоборот, – отпрянет от неё. Неуверенно, как велосипедист, он опять начинал набирать скорость. Она вновь вскрикивала. Уже сильнее. «Велосипед» начинал вихляться и останавливался совсем. «Больно, да? Больно опять?» Он *не знал*. Просто не знал, отчего ещё, кроме боли, женщина может вскрикивать.

И только когда его самого выгибала дугой сладостная мука, когда он чуть не терял сознание – она тоже спешила под ним. И всегда *догоняла*. А он думал, что так она помогает ему. Ему, мужчине. И, несмотря на мгновенную опустошённость, на боль даже в чреслах, подкидываемый ею, был растроган, благодарен ей: милая, любит!..

На стуле большим гребнем она расчёсывала свои прямые жёсткие волосы, точно всё те же густые мётлы пересохшего льна. В нежных формах тела её было что-то скользко-дельфинье. Он ею любовался. Она же его не видела. В комнате была как будто одна.

Потом она одевалась. Примеряясь закинуть на себя платье, стояла в серых колготках, как тугой туман.

В метро на эскалаторе она как будто уплывала от него вверх, виновато опустив глаза и словно медленно пропуская к нему только сонные лампы. А он, закинув голову, неотрывно смотрел на её лицо, розово светящееся в песчовой серой опушке, и боялся даже дышать. Он любил её бесконечно.

2. Отчуждение

Он держал её груди как шлемы. Просяще смотрел в её глаза. Он словно хотел увидеть её душу. Но глаза с кошачьей осторожностью уходили, ускользали, и сердце его сжималось. Он охватывал её голову, прижимал к себе. Как оживший огонь свой, как пламя. Он хотел, чтобы она рассказала о себе, хотя бы немного, дала бы свой телефон. Она мягко высвобождалась из его рук. Не надо, Юра. Разве тебе плохо?..

Она опять надевала платье, расставив ноги в серых колготках, а он в растерянности смотрел на неё. Она была неуязвима.

Она то появлялась в его квартире, то пропадала надолго. Всё время он ждал её. Особенно тоскливыми вечерами. На звонки телефона – срывался. Но звонили или мать, или дядя Антон. Так и требовали всегда в трубке: «Ответьте Калуге» или «Ответьте Оттаве». И Юрий Котельников добросовестно отвечал: матери, что всё в порядке, посылку получил, перед Новым годом постарается приехать, а дяде Тоше кричал сквозь бульканье и треск, что дом в Ильинском цел, не сгорел, сосед Бритвин присматривает.

Он не знал даже отчества её, с какого года она, поэтому обратиться в Мосгорсправку не мог. Откинувшись на диван, он смотрел на портрет на стене, написанный маслом. Где Антон Петрович Котельников, с вьющейся бородкой напоминая не до конца обглоданный мосол, строго смотрел на племянника, удерживая в кулаке курительную трубку. Тощая шея Антона Петровича была украшена крапчатой бабочкой.

Утром Юрий Котельников на метро ехал в университет на Ленинские горы. В одной из лекционных аудиторий Первого гуманитарного корпуса читал курс по Теории перевода. Студенты казались ему молчаливым вежливым стадом, распределённым поэтично. Он прохаживался вдоль длинного стола и монотонно говорил. После аспирантуры он преподавал уже третий год и *хорошо поставил голос*. Впрочем, в конце всегда вставала на задние ножки студентка Залкинд, похожая на толстую непокорную овцу. *С каверзным вопросом*. И приходилось отвечать: «У нас говорят: у меня тяжёлая рука». Надеюсь, слышали. А у болгар несколько иначе: в одной моей руке молния, а в другой – гром. И говорить тут больше не о чем». Однако глаза Залкинд всё равно горели жёлто, разоблачающе: попался, голубчик! Поймала на противоречии!

После лекций не хотел ехать домой. В обнимку с портфелем сидел на скамейке, как припорошенный снегом советский инк на фоне зыблящейся в небе пирамиды. Многоцветный, как жук, тракторишка шустро бегал, прогонял мимо снега.

3. Котельников и Татьяна Мантач

Они познакомились два месяца назад, в начале октября. Был пасмурный день. На университете, как на Дон Кихоте таз, висела туча.

Как всегда после лекций, он не мог не пройти по аллее университета. По всей. Ритуально. По привычке, сохранившейся со студенческих лет. Прежде всего постоял перед дорогами корифеями. Установленными почему-то в ряд. В разрозненный, но ряд. От этого жестоко роняющимися с истуканами с острова Пасхи. Неудачно поставлены, явно неудачно.

Потом шёл по пустой аллее дальше.

Она сидела на скамье совершенно одна, сунув руки в карманы плаща и разглядывая свои ноги в туфлях на высоком каблуке. Склонённая голова в длинных жёстких волосах, схваченных на затылке, напоминала корзинку с ржавым бурьяном. Он уже прошагал мимо и вдруг вернулся. Подошёл, сел вполборота к ней. «Что с вами, девушка?» Весь вид его выражал тревогу. Она повернула удивлённое лицо: «Ничего». «Но вы сидите одна. На целый километр. Завалили зачёт?» Она сказала, что не имеет к университету никакого отношения. Но он всё приставал, выясняя, как она оказалась здесь, сидящая одна на целый километр. (Ох, уж этот «целый километр»!). Он не узнавал себя. Он говорил и говорил, никак не мог остановиться. Смурной театр шёл помимо воли его. Он думал, что его сейчас просто пошлют и всё, но она... она вдруг заплакала. Подбородок её наморщился, слезы потекли по щекам. Он растерялся. «Успокойтесь, девушка, успокойтесь!» – забормотал он.

– Мне не на что поехать к близкому человеку. В другой город. – Она уже вытирала слёзы платком. Лицо её было словно в сукровице.

Он сразу начал рыться в карманах, набрал пятьдесят рублей разными бумажками – всё, что у него было – и как жене, сунул ей.

Потом они молча быстро шли к Воробьёвскому шоссе. Точно оба боялись, что он опомнится и отберёт деньги назад. Дождаясь автобуса, она озиралась, будто высматривала, куда бежать. Плащ её напоминал колокол. Спросила телефон. Он написал, вырвал листок, протянул. «Юрий. Юрий Котельников» – назвал себя. – «Татьяна. Татьяна Мантач». Она полезла в автобус. Конечно, больше я её никогда не увижу. Он смотрел, как рыжая метла продвигается между тёмных голов. Потом поехал в другую сторону, к метро.

Несколько дней ему было стыдно. За самого себя. Вечерами он не мог работать. В диссертации всё остановилось, не двигалось никуда. Он валялся в гостиной на диване, смотрел на костяного с бородкой Антона, всё время почему-то словно бы подмигивающего ему. Переводил взгляд на тётю Милу, которая, напротив, одобряюще улыбалась маленьким ротиком в наливных щёчках. Висел тут и фотопортрет матери Юрия Котельникова. Евдокия Котельникова была точной копией брата своего, Антона. Только, понятно, без трубки в руке и крапчатой бабочки на шее. Она строго смотрела на лежащего сына. Она родила его без мужа в 47-ом году. Отца Юра Котельников никогда не видел. Она записала сына на свою фамилию. Отчество дала – Аркадьевич. То ли действительно некий подлец Аркашка проживал в то время в городе Калуге, то ли просто очень нравилось женщине романтическое имя – Аркадий.

Чтобы как-то отвлечь себя, Юрий Аркадьевич звонил Кучеренке. Спрашивал, как дела с его диссертацией. Рассеянно слушал торопливый радостный голос. Нестерпимо хотелось рассказать о случившемся в аллее университета. И, в конце концов, рассказал. От услышанного Кучеренко надолго замолчал. «Ну, Коля?..» «Дурак!» – сказал, наконец, Кучеренко и повесил трубку. Но всё равно стало на душе легче.

Старый сталинский диван был колыхлив как торфяник. Юрий снова лежал, ощупывал его дерматиновые пузыри.

Он её не узнал, когда она позвонила через десять дней. «Кто? Какая Татьяна?.. А-а, вспомнил! Здравствуйте! Как ваши дела?» Она сказала, что деньги сможет отдать ему завтра. Где и когда это будет удобно? Они договорились на одиннадцать утра, на Маяковской, у памятника.

Она пришла всё в том же колоколистом плаще, бесплечая, как дорожная кегля. Его плащ был хорошо вздут в груди, с ремнём, с погонами. Он улыбался во всё лицо. Она отчужденно смотрела в сторону. Достав из сумочки, отдала деньги. Поблагодарила. Говорить, собственно, было больше не о чем. Он спросил, как она съездила. *К близкому человеку.* Она нахмурилась, но сказала, что хорошо. Была в Калуге два дня. В Калуге?! Да мы же с вами земляки, Таня! – вскричал он. Я же родился там, жил до десятого класса! Я была в Калуге впервые, сказала она. Ещё раз спасибо. Всего вам доброго. И она пошла от него к подземному переходу. Он торопился за ней, точно не мог догнать. «Танечка, подождите! Может быть, посидим где? А?» Она остановилась. «Сегодня воскресенье. Погода вон не очень». Вверху серовато-сизой простоквашей ползло низкое осеннее небо. «А? Таня?» Он не верил в успех, но она неожиданно согласилась. Он сразу подхватил её под руку, повлёл со ступеней под землю обратно наверх.

В кафе она умудрялась на него не смотреть. Её колоколистый плащ висел на стоячей вешалке рядом со всеми его ремнями и погонами. Когда он говорил, взгляд её блуждал по столу. Её ореховые глаза кошки не вязались с тёмно-рыжими волосами и очень белым лицом. Она казалась отчуждённой, недоступной. Но почти сразу на всё соглашалась. Он предложил по бифштексу – она согласилась. По бокалу шампанского – пожалуйста. Ещё по одному – как хотите, Юрий. Это было какое-то безвольное отчуждение. Так ведут себя, наверное, люди в тюрьме. Он уже хохотал за столом. Размахивал ножом и вилкой. Она – лишь слегка улыбалась, вытирая губы бумажной салфеткой. Хотя он видел, что её ореховые глаза подёрнулись хмельцом. За час он рассказал ей почти про всю свою жизнь, перескакивая с пятого на десятое. О её жизни не услышал ничего. Она держалась стойко. Она ускользала даже от прямых вопросов. Вместе с глазами на скуластом лице.

На полной руке уносила поднос с тарелками официантка в короткой юбке. Круглая как кадка. Юрий Котельников галантно надевал на даму плащ.

Медленно шли по Садовому обратно к площади. Он говорил без умолку. Теперь рассказывал о квартире дяди Антона на Кутузовском. Как тот её получил. Он всю жизнь был поваром. Понимаете? Всего лишь поваром. Но поваром знаменитым в Москве. Работал в своё время и вот напротив, в «Праге», и в гостинице «Украина». И в других, не менее известных местах. Сейчас третий год работает в Канаде, в Оттаве, в посольстве. Вместе с женой, тётей Милой. Все посольские приемы и разные фуршеты на нём. Очень любит свою сестру, мою мать, ну и меня, конечно.

Она слушала рассеяннo. Всё время поглядывала на часы. Почему-то мужские. А он всё нёс и нёс «про квартиру»: метро рядом! сталинский дом! шестой этаж! лифт! три комнаты! стены – артиллерией не возмёшь! ванная – пятнадцать квадратных метров! Он, что называется, выхлопывал перед ней товар лицом.

Она коснулась его руки:

– Я приеду к вам, Юрий Аркадьевич. Но – завтра. Сегодня я занята. Напишите адрес.

Она смотрела прямо ему в глаза. И он смутился. Поспешно начал искать блокнот. Потом писал. Вырвал листок. Молчком протянул. Она коснулась губами его щеки и сразу пошла к метро, на ходу сворачивая бумажку с адресом и опуская её в карман плаща. Он стал кричать, что завтра в семь, что встретит её. Она ответила, что не нужно, найдёт дом сама. С сумочкой под мышкой быстро сошла по ступенькам, исчезла в низких дверях.

Он не мог поверить. Она *опять согласилась*. Как безумный, он начал ходить взад-вперёд. Налетал на людей. Потом зашёл в сквер перед филармонией. Сел. На скамью в середине аллеи. К Театру Сатиры шли зрители. Нетерпеливой радостной колонной заключённых.

...Перед тем, как войти в квартиру, она аккуратно складывала, отряхивала зонт, как дорогую разноцветную птицу. Приняв от неё и зонт, и плащ, он оставил её перед зеркалом поправить волосы.

За столом в гостиной она сидела в глухом чёрном платье, похожая на плотный швейный манекен из ателье. Вчера или сегодня она ходила в парикмахерскую. Метровые льняные мётлы её были ровненько подрублены, надо лбом ей красиво загнули волосяную модную решётку. И опять никакой косметики на лице. Ни туши, ни румян, ни помады. Лицо белое, с проступившим на щеках молочно-розовым светом. Правда, добавились крохотные капельки двух серёжек на розовых мочках ушей.

Он принялся угощать её разносолами, которые приготовил, естественно, сам. Несколько ошарашенной женщине он накладывал на тарелку рыбный салат из сайры, варёных яиц, солёных огурчиков и резаного репчатого лука. Он самодовольно говорил, что рядом с таким кулинаром, каким является его родной дядя Антон (кивок в сторону портрета на стене), просто невозможно не научиться готовить. Заодно он показал рукой и на тётю Милу со сладкими губками в наливных щёчках, тоже дипломированную кулинарку. Однако он обошёл добрым словом мать, висящую рядом с поварами. И Татьяне стала казаться, что та смотрит на сына с укором: чего же ты, негодник, про меня-то ничего не сказал? Рядом со знаменитым братом с курительной трубкой и бабочкой пожилая женщина выглядела скромно: у неё был вислый нос и печальные глаза.

С щегольским подкрутом бутылки он налил в бокал женщине вина. Вина, естественно, марочного, отменного. Сервировка стола была богатой. Сервизные тарелки отображали сталинский урбанистический и виноградный рай. У женщины, которая не очень-то умела даже бить простую яичницу по утрам, голова шла кругом.

– А вы любите готовить, Танечка? – приставал к ней ресторатор, подкладывая на сменную чистую тарелку салат оливье, а на другой край тарелки сельдь под шубой.

Она неопределенно помотала вилкой. Впрочем, вслух довольно мудро сказала: «Было бы из чего».

Он смеялся. Он был счастлив.

После жаркого из кролика мгновенно убрал всё со стола. И подал коньяк и кофе.

Они держали крохотные рюмочки с коньяком одинаково – как цветочки. В телевизоре опять шло награждение. Человек, похожий на очень матёрого голубя, пялился себе на грудь, куда ему прицепляли очередную Звезду Героя. (Тощий прицепляющий изгибался на все лады.) Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза стоял как малое молчаливое большинство. Когда пошли поцелуи враскоряку, – посыпались аплодисменты. И человек долго откашливался. Как трактор. Прежде чем начать скрежетать ответные благодарственные слова...

Юрий Котельников выключил телевизор.

Под музыку проигрывателя довольно ловко водил даму по комнате. Круто поворачивал и снова ловко вёл в другом направлении. Невысокая Мантач, отступая, как будто отбивалась от него ногами.

Потом они сидели на сталинском колыхливом диване. Точно ждали, когда он начнёт колыхаться и встряхивать их. Котельников обнял девушку. Очень неудобно. Правой рукой ощутил сильную женскую спину, а левой на её бедре через платье – резинку с застёжкой от дамского пояса. Мантач мягко, но решительно высвободилась. Сразу встала. «Этого делать нельзя». Направилась в прихожую. Он извинялся и извинялся, помогая ей одеваться. Кинулся

было провожать. Она остановила его. «Я приду к вам завтра. В это же время. До свидания». Опустив глаза, с полуулыбкой вышла за дверь.

Он тяжело дышал. Он смотрел на себя в кучерявом зеркале. Глаза его были сжаты как пульты, а длинный нос походил на обувную ложку, которую он забыто держал в руках.

4. После свидания

Она покачивалась в полупустом вагоне метро. Напротив сидел старик в потёртом плаще. Широколицый. Печальный, как бульдог. Глаза у него будто пучило. Он кривился как от изжоги и снова замирал, ожидая чего-то от своих глаз. Кинул в рот таблетку. Татьяна увела взгляд в сторону. За стеклом вроде бы полетел, закривлялся Юрий Котельников. Странный вообще-то парень. Что-то есть в нём от селезня. Нос утиный. Не похож однако ни на мать, ни на костяного дядю. Зато уж они точно с одной колодки сняты. Сработаны как по лекалу. Этот – как усыновлённый. Глаза маленькие, проваленные, а нос широкий, утиный. В общем, красавец. Волосы, правда, хороши. Кудрявые. Но тоже – подстригся под барашка. Зачем? Барашек с утиным носом. Барашек-утконос. Интересно, клеят ли его студентки? Ведь молодой, неженатый. Квартира, можно считать, в Москве. Карьера благополучно вызревает. Доцентом скоро станет. А там – и профессором. Но хвастун. Переливчатый селезень. Однако деликатный. Только сказала – сразу отступил. А я ведь *согласная*. Просто не могла же я сказать дурашке, что из меня третий день льёт. Низ живота тянет. Ничего, конечно, не понял. Подумал, наверное, что просто женский стыд. Плащ держит, надевает. Понимающий, предупредительный. Порывается идти провожать. Еле отбилась. Всё хочет узнать, где я живу. А зачем, дурашка?..

Татьяна Мантач вышла из вагона через три остановки на станции «Киевская».

5. Из дневника Котельникова

...Очень необычная женщина. Даже внешне. Никогда не встречал такой. Ореховые красивейшие глаза. Но как не её. Как взятые напрокат. Чужие белому лицу и рыжим волосам. Почему такая скрытная? Кто она? Замужем? Разведена? Спокойно-отчуждённая, молчаливая. И в то же время – на всё соглашающаяся. Причём совершенно неожиданно. «Я приду к вам, Юрий Аркадьевич, завтра». Как выбила почву из-под ног. Растерялся даже. Стыдно почему-то стало. Потерял даже речь, когда рылся в карманах, искал блокнот. И опять же сегодня: оттолкнула от себя или нет? После того как обнял? «Я приду к вам завтра. В это же время». И улыбку повела к двери. Как будто знает то, о чём ты понятия не имеешь... Но как она очутилась на Ленинских горах? Совершенно одна? На целый километр?.. Странная женщина. Очень странная...

6. Безумие мужчины и женщины

Во второй вечер, потеряв голову, он тянул тугую женскую ногу с поднятым коленом словно бы в гору. А, может быть, даже в космос. «Остановись, – сказала она, – я так задохнусь». С расстёгнутой рубахой он восстал над ней как безумный Икар. И вновь потащил обеими руками ногу в чулке.

Второй раз всё было уже целомудренно, пристойно. Он висел над ней и спрашивал: «Больно я сделал? Да? Больно?» Впрочем, в конце он опять было потащил, но бросил ногу и начал точно всверливаться в женщину.

Он лежал, до горла закрывшись пледом. Как негодяй. Полураздетая женщина была покойна. Расчёсывала на стуле свои густые прямые волосы. Только в нежной осаде белых ног её и живота стыдливо прятался женский жёлтый мысок.

Потом она ушла в ванную. А он метался, таскал опять всё на стол.

Ночевать она не осталась. Сколько ни просил. Правда, разрешила проводить себя до метро.

«Она точно замужем», – думал Котельников, идя от «Кутузовской» домой. «Вне всякого сомнения. И вряд ли теперь появится. Вряд ли даже позвонит. Но я-то для чего тогда?» Котельников посматривал на чёрную, без единой звезды октябрьскую ночь. Почему-то сдавливало тоской грудь.

Но она пришла и в следующий вечер. И ещё приходила. Безумие мужчины и женщины длилось неделю.

Он мало что соображал в эти дни. На лекциях всё время поглядывал на часы. Тема студентам разворачивалась словно бы не им, Котельниковым, а кем-то другим, очень хитрым, спрятавшимся в нём.

Пыталась долбить его вопросами Роза Залкинд. Но он сразу говорил, что всё обсудит с ней индивидуально. Вылетал из аудитории и уже без всяких ритуальных аллей мчался автобусом к метро.

В окне летящего вагона он видел то её груди, то её, извините, тугое гузно, то закинутую в костре волос голову. Черт побери-и! – поворачивал он безумные глаза к пассажирам.

Дома на кухне пытался что-то готовить, но приходила она. И уже через минуту они оказывались на полу, куда он успевал бросить только одеяло...

Лица её он не видел. Его накрывала сухая горячая лава её волос. Раскинутые руки и ноги их были слиты. Казалось, она ничего не делала, но он уже в сладостной муке поворачивал и поворачивал единую эту их мельницу на полу, сминая, перетаскивая за собой по паркету одеяло...

Она долго лежала на нём, спрятав горящее от стыда лицо за его щеку.

Однако потом, как всегда, хмуро расчёсывала свои волосы. А он сидел перед ней на полу как перед золотым многоруким божком, который никогда ни на кого не глядит.

В этот вечер, прощаясь, она сказала ему: «Хватит, Юра. Нам нужно отдохнуть. Не скучай».

О телефоне и адресе своем, конечно, ни слова.

– Я позвоню, – сказала она.

Действительно позвонила. Но когда уже и не ждал...

7. Лечение на дому

По Кутузовскому, распустив пальцы веерами, как осторожная балерина переступал прямыми ногами по гололёду высокий старик в пальто. Медленно двигался за ним по тротуару, растрясывался солью глухой, сработанный под броневик мотороллер с засевшим в нем дворником с подловатым глазом. Юрий Котельников чертыхался, шёл следом, перескакивал через обширные серые пятна соли, как через нечистоты. И растянулся-таки, сильно подвернув ногу. Кое-как поднялся, постоял, потом потихоньку, охая от боли, поковылял обратно. Домой. Какая-то женщина предложила помочь. Подхватила даже под руку. Поблагодарил её. Дойду сам.

Дома позвонил в деканат, потом Кучеренке, попросил подменить. Сидел на диване, смотрел на разутую, уже припухшую с посиневшей щиколоткой ногу. Вызывать неотложку или не надо? Позвонила Галя Кучеренко с испуганным голосом. Лёд! Немедленно лёд к ноге! Через тонкое полотенце! Спасибо, Галя. Поковылял на кухню, из холодильника достал решётку со льдом, выдавил ледяные квадратики и уже в комнате с полотенцем навернул на ногу. В щиколотке словно бы сразу заиграла разноцветная тянущая боль. Но быстро прошла – нога онемела.

Целый день промаялся с ногой. Пытался работать. Садился к столу, к диссертации, вытянув, как инвалид, ногу. Но боль не отпускала, начинала ныть, тукать, бить. И уже лёд не помогал. Тогда возвращался на диван, поднимал ногу на подлокотник – в таком положении было легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.